

УДК [821.161.3–3+821.111(73)–3]: 502.1 «19»

О.В. Гниломедова

канд. филол. наук, доц. каф. русского языка и культуры речи
Военной академии Республики Беларусь

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ПРОЗЕ К. ВОННЕГУТА И А. АДАМОВИЧА: ПОВОРОТ К АНТИУТОПИИ

В эпоху глобализации в американской и белорусской прозе усиливается внимание к философско-этической и нравственно-экологической проблематике. Американские и белорусские писатели, в частности, К. Воннегут и А. Адамович, стремятся отразить кризис цивилизации, где главным признаком является разрушительный потенциал и безответственность науки. Статья представляет собой попытку проанализировать социально-психологическое и философско-этическое ее содержание в осмыслении взаимосвязей человека с миром природы. Одной из характерных особенностей некоторых произведений американской и белорусской прозы является их тяготение к жанру антиутопии и открытости авторской позиции в отображении «крайних» ситуаций, имеющих место в современном мире.

Перемены, происходящие в мире (порождение «массового» человека, становление технократической цивилизации, угроза экологических катастроф), заставляли писателей обеих стран искать новые приемы и походы в литературе. Таким образом, изменение претерпевало и само письмо. Ощущение нереальности, абсурдности, разрыва привычных связей – вот основные составляющие нового отношения к миру, на котором основывается антиутопия, направление в художественной литературе, описывающее любое общество, в котором возобладали негативные тенденции развития. К. Воннегут (1922–2007) и Т. Пинчон обнажают механизмы современной культуры, показывая, что она *зиждется на принципах власти и насилия*. Традиционному роману с разработанными сюжетными линиями Воннегут противопоставляет фрагментарность текста, разорванность сюжетных линий, нарушение причинно-следственных связей. По Воннегуту, силы, регулирующие реальность и человеческое поведение, непознаваемы и абсурдны. Мир систематизируется культурой и наукой, чьи проявления – разные формы борьбы с хаосом, продиктованной стремлением увидеть в мире (природе) порядок и смысл, механически связать эти порядок и смысл с человеческим «я». Основанием культуры и науки является разум, дистанцирующий человека от изменчивой природной стихии, от предметов и явлений. *Разум выводит человека из тела мира и ставит его над миром*, заставляя личность считать себя высшей целью эволюции, венцом творения. Эта внеположность, утверждаемая культурой, обеспечивает людей правом власти над миром, правом приспособлять его к себе, перестраивать в соответствии с собственными целями. Действительность предстает осмысленной, целесообразной, но при этом подвергается насилию и обедняется, умалется до схемы. *Культура и наука – инструменты насилия*, с помощью которых человек упорядочивает природные стихии, покоряет и осваивает их во имя жизни на Земле. Схемы, продуцируемые разумом для того, чтобы обуздать хаос, будучи примененными к реальности, оказываются фиктивными и неадекватными. Абсурд с большей силой заявляет о себе, и мир, недавно казавшийся понятным и удачно спроектированным, вдруг предстает непредсказуемым.

Склонность к сатире, а вместе с тем и к фантастике можно было заметить уже в первом романе «Механическое пианино, или Утопия-14» (1954), в котором изображен «машинный рай», который вытесняет человека с земли. В духе острой сатиры, не избегая преувеличений, автор осмеивает тех, кто утратил свое человеческое существо и превратился в роботов, манекенов, кукол, довольствующихся благами, которые дала новая техника. Но находятся недовольные и в этом «машинном раю» (так уж устроен человек), поднимающие беспощадный бунт против машин. В конце концов все возвра-

щается «на круги своя». Писатель специально как будто и не ставит проблемы «человек и природа» в современном мире, но уже в этом первом романе утверждает, что научно-технический прогресс – благо весьма сомнительное, если он не подкреплен прогрессом иных сфер, нежели научно-производственные. Речь идет о ценностях и ориентирах нравственного характера.

Воннегут склонен повествовать о человеческих бедах, несчастьях в масштабах всей Земли, о глобальных, медленных и необратимых изменениях, происходящих на ней, он негодует против всего, что делает жизнь людей убогой. К роману «Сирены Титана» (1958) он выбирает в качестве эпиграфа слова одного из персонажей – Рэнсома К. Ферна, технократа, президента корпорации «Выдающееся творение»: «С каждым часом Солнечная система приближается на 43 тысячи миль к сферическому скоплению М-13 в созвездии Геркулеса, и тем не менее находятся бестолочи, утверждающие, что прогресса, как такового, не существует» [2, с. 78]. Что касается самого Воннегута, то в его понимании прогресс – это не всякое движение вперед, а только такое, которое служит человеку.

Проблематика прозы К. Воннегута связана с тревогой перед грядущим, череватым экологической катастрофой, критикой дегуманизированного технократического общества, проникнутого человеческим эгоизмом и бесконтрольностью разума. В романе «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер» (1965) главный герой Элиот Розуотер адресует писателям-фантастам слова восхваления: «Люблю я вас, чертовы дети... Только вы по-настоящему говорите о тех реальных, чудовищных процессах, которые с нами происходят, только вы один, в своем безумии, способны понять, что жизнь есть путешествие в космосе и что длится она миллиарды лет. Только у вас одних хватает мужества болеть за будущее, по-настоящему понимать, что с нами делают города, что с нами делают великие и простые идеи, что творят с нами потрясающее непонимание друг друга, все ошибки, беды, катастрофы» [3, с. 18]. Элиот Розуотер отличается болезненно чувственным восприятием трагедий мира, и это дает ему возможность глубже воспринимать свои недостатки.

К. Воннегут высоко ставит роль писателя в современном мире: «Я продолжаю считать, что художники – все без исключения – должны цениться как системы охранной сигнализации» [2, с. 7]. Это многое объясняет в творчестве самого Воннегута, в идейном содержании его произведений, в которых он, как можно было заметить, особенно настойчиво разрабатывает три проблемы: антивоенную, необходимость контроля над техническим прогрессом и спасение природы. Все это можно найти в романе «Завтрак для чемпионов, или Прощай, черный понедельник» (1973) – самом знаменитом романе К. Воннегута, задуманном писателем как итог всего творчества. Автор выступает как большой скептик, уверенный в том, что эгоизм и коварство человека заложены в самой его природе, они свойственны человеку вообще. В «Завтраке для чемпионов» и некоторых других романах присутствует образ писателя Килгора Траута – своеобразное alter ego самого К. Воннегута. Траут, главный герой романа, обращает внимание на медленные, но глобальные и необратимые изменения, имеющие место на нашей планете. Другой герой произведения – Двейн Гувер, являющийся владельцем агентства по продаже автомобилей, запрограммирован исключительно на наживу и неблагоприятные поступки. В «Завтраке для чемпионов» писатель называет Землю «подпорченной планетой», где большая часть ограниченных ресурсов переводится в отходы и мусор, загрязняющие ее. В острой иронической манере Воннегут напоминает о том, что в США отравляют атмосферу, а обилие промышленных предприятий ведет к уничтожению чудесных уголков природы. Создается впечатление, что люди занимаются самоубийством, самоуничтожением. В романе звучит тревога за будущее американского общества «потребления», за будущее всего мира, за навязываемую «массовым» обществом стан-

дартизацию духа. В книге «Судьба хуже смерти. Автобиографический коллаж 80-х» (1991) писатель отразил растерянность человека нашего времени перед зашедшей в тупик современной цивилизацией, бессмысленность его усилий по исправлению современных нравов. Для писателя наука является не двигателем прогресса, а инструментом власти, будущее повторяет прошлое, движение истории происходит по замкнутому кругу, что порождает энтропию, стремление к гибели. Писатель-парадоксалист доводит до гротеска исторические процессы и тенденцию к архаизации. Воннегут в целом не сомневается в том, что люди обязаны чувствовать ответственность за все, что происходит на нашей планете; одна из его идей – человек является частью природы и подчиняется ее законам, а прогресс – всего лишь мутация, уродство. По его мнению, человек может уничтожить себя и среду своего обитания, но перед природой как таковой человек бессилен. Изучая разные науки о Земле, писатель приходит к выводу о том, что природа не нуждается в помощи, она сама с легкостью устраивает лесные пожары, наводнения, образует пустыни, обледенения. «Считающие, что природа – друг человека, могут не наживать себе других врагов» [2, с. 562]. И далее: «Если мы опустошим эту планету, Природа опять восстановит жизнь. Для этого понадобится всего несколько миллионов лет или около того, миг для Природы» [2, с. 562]. Для того чтобы сохранить Землю, писатель выдвигает несколько пунктов: следует отказаться от идеи покорения природы и веры во всемогущество науки, улучшить экологию, уменьшить население планеты и прекратить войны. Воннегут исходит из убеждения об идентичности человека и остального живого мира, т.е. самоценностью обладают не только люди, но все сущее. Эта мысль явилась стержнеобразующей для современного направления США – «глубинной экологии», расцвет которой пришелся на 1970-е гг. В основу ее легла критика антропоцентризма и утилитаризма современной цивилизации и этическое осмысление взаимоотношений человека и природы.

Тема глобальной ядерной катастрофы раскрывается в повести А. Адамовича «Последняя пастораль» (1984). Автор изображает мир после ядерного столкновения двух держав – СССР и США. Герои – Он и Она – оказываются на острове, чудом сохранившийся среди охваченной пламенем планеты. Достигнув определенной точки развития, наука стала угрозой для человека, элементом власти и насилия. Алесь Адамович, как и Воннегут, стремится отразить опасность рукотворного апокалипсиса. Для воплощения данной идеи выбрана структура, основанная на антитезе. Перевернутый мир, отторгающий от себя любовь, несовместимый с жизнью и ее продолжением, выполнен в форме антиутопии.

Особая роль в тексте принадлежит эпиграфам, в частности отрывками из поэмы Я. Купалы «Она и я». Но если поэма – это торжествующая песнь «земли и жизни», то «Последняя пастораль» – реквием «по земле и жизни». Произведения, объединенные общей темой любви, расходятся в главном: в поэме возлюбленные органично вписаны в природное пространство, растворены в нем. В повести природа становится опасной, непригодной для жизни и издает трупный запах. Мужчина и женщина, выжившие после катастрофы, питаются дождевыми червями, воспевают молитвы Дажь-богу, живут в пещере и каждое утро скашивают цветы-грибы, от которых «несет падалью» [1, с. 499]. Трагедия героев заключается в том, что они пережили гибель Земли, став свидетелями наступившего конца света: «С природой что-то неладное, непонятное творилось – впрочем, чему удивляться? – в судорогах предсмертных она силилась, спешила еще что-то напоследок, под занавес, родить, произвести, но разлаженный генный механизм выбрасывал из недр своих нелепейшие комбинации, бессмысленные и бредовые, вроде тех трехголовых крыс, насмерть ранивших, загрызающих самих себя» [1, с. 515].

В эпиграфе к третьей главе, взятой из купаловской поэмы, говорится о том, что Он и Она ощутили себя Адамом и Евой в райском саду: «У раі гэтым вецер быў

нам бог і сват, // Вецьвямі шлюб давала дрэва...» [1, с. 506]. В «Последней пасторали» природным фоном является не яблоневый сад, а мертвый остров, а герой повести осознает, что «уже никогда не будет, ...не будет вот так, это последнее» [1, с. 523]. «Перевернутое» существование ощущается во всем: «Странный мир, в котором мы оказались, диктует нам, определяет наше поведение, даже если оно против здравого смысла. Смысл-то этот здравым когда был? Когда и мир был совсем иным» [1, с. 508]. Героев окружает искусственный пейзаж, где планеты движутся по кругу, луна исчезла, а небо «постоянно сонное» [1, с. 519], напоминает куринный усохший глаз.

В эпиграфе к пятой главе звучит тема дома: «Сядзь на пасэчны кут, мая багіня, // І будзем думы думаць аб сабе» [1, с. 514]. Пещера, в которой живут Он и Она, наводит ужас. Герои соседствуют с пауками, крысами «с несколькими головами», которые пожирают друг друга, а когда они пропали, из «разлаженного чрева жизни выбросило вот это – рыхлые огромные цветы» [1, с. 515].

Природа в повести отторгает влюбленных, после первой брачной ночи для них не только невозможно слияние с ней, но ощущение гадливости: «В конце концов и с цветами то же самое: Ей кажется, что от них непереносимая вонь, и я поступаю так, словно не цветы это и даже не грибы, а вскрытое массовое захоронение» [1, с. 519]. Мир пропитан радиацией, существует в «перевернутом» виде, однако Мужчине и Женщине дана попытка вернуть Земле ее жизнь, надо только, «чтобы Она вспомнила, Земля вспомнила» [1, с. 523]. Трагизм героев заключается в том, что вместо природы после взрыва осталась лишь «стерильная планетка», «крематорий» [1, с. 525], а им, последним на земле, уготована роль свидетелей собственной трагедии, которая заключается в том, что человек сам преступил черту дозволенного, нарушил закон «Великого инстинкта» [1, с. 532].

Попытка выжить успехом увенчаться не может: остров накрывает радиоактивный мрак, поскольку последние земляне наносят «престижный» «последний удар», чтобы истребить все живое не только в воздухе и на суше, но и в воде. Она превращается в Старуху, «сидит бесчувственно-неподвижно, на голове и коленях, на плечах, руках какие-то водоросли, точно кто-то хотел, старался все-таки прикрыть этот ужас распада» [1, с. 590], и никогда не станет матерью. Вместе с ней суждено погибнуть и бывшим противникам, ставшими на острове «Всекаинами», и Мужчине. Смерть соединила их навеки, и надежда на то, что «ўсё, усё вернецца, каханая мая!» [1, с. 594], не оправдала себя. В последней главе повести в качестве эпиграфа начертана научная формула Альберта Эйнштейна. Тем самым автор подчеркивает мысль о том, что наука становится инструментом власти, человеческих амбиций и насилия над планетой и ее обитателями: «Исчезли последние свидетели собственной трагедии, и она тотчас перестала быть трагедией и стала рутинным физическим процессом превращения, падения энергии в ничтожно малом уголке Вселенной» [1, с. 594].

В повести А. Адамовича «опровергается» жанр, который вынесен в название произведения. Развенчанию идеи мирной жизни (пасторали) способствует система эпиграфов, которые раскрывают и углубляют философский компонент произведения, подчеркивая трагедийное развитие распада мира. Повесть «Последняя пастораль» продолжает традиции антиутопической литературы, реализуя ее на уровне дистопии.

Одной из характерных особенностей некоторых произведений американской и белорусской прозы является их тяготение к жанру антиутопии и открытости авторской позиции в отображении «крайних» ситуаций, имеющих место в современном мире (романы американца К. Воннегута и проза белорусского писателя А. Адамовича). При этом «открытая публицистичность» не означает тождества с формами выражения мысли в «чистой» публицистике. Чаще всего публицистическая направленность понижает само изображение действительности. Но даже в тех случаях, когда мысль вы-

сказывается открыто, прямо, она всегда окрашена чувством, тональностью всего произведения, эстетически оформлена, это всегда размышление-переживание, которое передает не только суть мысли, но и чувства, и особенности характера героя, его душевный склад и жизненный опыт, только ему свойственное видение мира. В антиутопиях Воннегута и Адамовича идея вечного круговращения жизни претерпевает изменения и переходит в бинарную оппозицию «жизнь – смерть», отказываясь, таким образом, от традиционного понимания вечности жизни.

Творчество А. Адамовича и К. Воннегута таким образом, можно рассматривать как художественное свидетельство той неблагоприятной духовно-экологической ситуации, которая сложилась на Земле на рубеже XX–XXI столетий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамович, А. М. Хатынская повесть. Каратели. Последняя пастораль : Повести / А. М. Адамович. – М. : Советский писатель, 1989. – 640 с.
2. Воннегут, К. Собрание сочинений : в 5 т. : пер. с англ. / К. Воннегут. – М. : Старт, 1992. – Т. 2. – 445 с.
3. Воннегут, К. Дай Вам Бог здоровья, мистер Розуотер : роман / К. Воннегут. – М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2001. – 251 с.
4. Природа и человек в художественной литературе : материалы Всерос. науч. конф., Волгоград, окт. 2000 г. / Волгогр. гос. ун-т ; редкол.: А. И. Смирнова (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. – 317 с.
5. Смирнов, А. Ю. Антиутопический дискурс в белорусской литературе XX – начала XXI вв. / А. Ю. Смирнов // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XX веков : к 70-летию каф. рус. лит. : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: С. Я. Гончарова-Грабовская (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Ч. 1. – С. 169–174.
6. Стеценко, Е. А. Экологическое сознание в современной американской литературе / Е. А. Стеценко ; РАН, Ин-т мировой лит. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – 319 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.04.2015

Gnilomedova O.V. Man and Nature in the Prose of K. Vonnegut, A. Adamovich: Turn to Antiutopia

In the era of globalization the attention to the philosophical and ethical, moral and environmental issue in American and Belarusian prose is increasing. American and Belarusian writers, in particular K. Vonnegut and A. Adamovich, seek to reflect the crisis of civilization, where the main sign is the destructive potential and irresponsibility of science. Article represents attempt to analyze social and philosophical and ethical contents in judgment of interrelations of the person with the world of the nature. One of characteristics of some works of the American and Belarusian prose is their inclination to a genre of anti-Utopia and openness of an author's position in display of the «extreme» situations taking place in the modern world.